

Семья с традициями. Иосиф Сталин, Дастин Хофман и Левенсоны

В конце XIX века у сибирского купца Абрама Левенсона родилось 8 детей. Они и дали начало той семье, которая так разрослась сегодня.

В царствование Александра II, отслужив 25 лет в армии, получил в Сибири землю крещеный солдат Соломон Левенсон. Его сын Абрам разбогател на поставках продуктов золотодобытчикам на Лене, приобрел несколько домов в Иркутске, получил бляху купца первой гильдии и решил, что жизнь удалась. Но не тут-то было! Четверо из его восьми детей занялись революцией. Семья разрасталась, сохраняла взаимоподдержку, левенсоновские устои и традиции. Чтобы понять какие, надо рассказать о Михаиле Абрамовиче Левенсоне и его потомках.

Из Омска до Женевы

В грозном 1906 году в возрасте 17 лет ученик Иркутского промышленного училища Миша Левенсон понаделал столько дел, что другому человеку хватит на всю жизнь. Стал эсером, организовал в Иркутске профсоюз печатников, а в Омске – приказчиков, ушел из дома, был арестован по обвинению в подготовке убийства генерала-карателя Райненкампа. Всего несколько месяцев за решеткой, и – вооруженный побег из иркутской тюрьмы с группой из семи человек.

Когда Михаилу было двадцать, ЦК послал его в Сибирь экспроприировать банк. Неудача! Пулевое ранение в бедро, чудом спасся и бежал за границу. Во Франции штудировал высшую математику в Сорбонне, пошел учиться на врача. К “блудному сыну” приезжал в Париж отец, помог деньгами. Когда началась война, Михаил с товарищами-интернационалистами организовал журнал “На чужбине” для русских военнопленных в Австрии и Германии. Но французским властям затея не понравилась, и Мише Левенсону вместе с молодой женой пришлось перебраться в Женеву.

От эсера до Торгсина

На родину он вернулся только в мае 1917 года и тут же примкнул к левому крылу партии эсеров, которое вместе с большевиками повело страну к революции. Осенью он стал членом ВЦИК – высшего исполнительного органа власти, Штаба обороны Петрограда, президиума Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, где тогда под его началом работал Молотов. Весной 1918 года Михаил разругался со своими товарищами-эсерами, после того как те приняли в штыки Брестский мир. Вернулся в Иркутск, забрал у родителей 7-летнего сына, поселился отдельно с женой и работал врачом детских приютов. Но разве тихая жизнь для него?

Уже в ноябре он создал в Иркутске партию “Сибирские левые эсеры”, как ее лидер вошел в большевистский Иркутский ревком, руководил партизанской борьбой против Колчака и поставил свою подпись под приказом о его расстреле.

Дальше – больше. Карьерный лабиринт вывел Михаила на должность управляющего инспекцией труда и здравоохранения в Рабкрине – главном органе госконтроля. В продовольственном же отделе работал его родственник, выпускник юрфака Франкфуртского университета Давид Богданович Ивенский. Давиду однажды написал Горький с просьбой о продовольственной помощи писателям, и Ивенский помог. У Михаила и Давида тогда был общий начальник, знавший их обоих. Это был Иосиф Сталин. Мы уже никогда не узнаем, обсуждал ли со своими родственниками Сталина Михаил Левенсон, да и вряд ли такое позволял себе этот всегда сдержанный, суховатый в общении человек. Зато Давид однажды заметил своим домашним, что его начальник – это “паук, который заплетает паутину для многих мух”.

Позже Михаил дослужился до председателя Торгсина. Это его роскошный магазин на Смоленской площади в Москве, где сейчас универсам, подпалила нахальная парочка Коровьев – Бегемот из “Мастера и Маргариты”. Торгсин (торговлю с иностранцами) Сталин придумал как закрытый распределитель для номенклатуры и

место, где остатки недобитых эксплуататоров сдавали драгоценности за купоны, которые отоваривались продуктами и промтоварами. Казалось бы, еврей с купеческим прошлым на столь значном месте и себя бы должен не забыть. Однако Михаил намеренно отказывался от многих благ.

Галерки оперных театров и ошпаренная богема

В момент, когда Левенсона назначили торгпредом СССР в Италии, итальянское торгпредство было вторым по величине после германского, и его начальник Левенсон по рангу мог появиться в римском оперном театре только в ложе. Денег же на нее сметой не предусматривалось. Зато, бывая в Милане, Михаил вместе с послом СССР в Италии одевались попроще и пробирались на галерку Ла Скала, где их никто не узнавал.

Другим увлечением Левенсона были машины. Его шофером и учителем вождения был итальянец Вениамини, бывший автогонщик и социалист, скрывающийся от фашистского преследования. Однажды Михаил и Вениамини отправились поужинать в кафе, где вдруг выяснилось, что господским шоферам вход воспрещен. Левенсон гневно повернулся и ушел.

Кто знает, может, в этом человеке жил чертик, который однажды подговорил его немного подшутить над итальянцами. В Милане на открытии ежегодной ярмарки в советский павильон зашел со свитой муссолиниевский министр торговли. Михаил преподнес ему в подарок тульский самовар. И уже скоро на деловом приеме Левенсон услышал от министра: “Вы здорово подшутили надо мной, сеньор Левенсон!” Оказывается, министр торговли устроил у себя светский раут с “русским чаем” и велел официанту влить кипяток из чайника в топочную трубу! Кипяток хлынул через нижние отверстия топки, ошпарив весь бомонд.

Левенсона расстреляли (не за самовар, конечно) в Лефортовской тюрьме 22 августа 1938-го. Виновным себя он не признал. При аресте перерыли вверх дном всю квартиру в поисках драгоценностей. Безуспешно. Проверили все операции по личным валютным банковским счетам. На этих счетах, живя в Италии, торгпред хранил крупные суммы для срочных оплат. Не обнаружили ни одной нечестности.

В те годы семья многих теряла. Незадолго до расстрела Михаила погибла, попав под поезд, любимица семьи “хохотушка Леля” – Елена Абрамовна Левенсон, выдающийся педиатр, которая привезла из Германии первые в России инкубаторы для недоношенных детей.

“Друг” Андрей Свердлов и шпионский сын

У Михаила Левенсона остался сын Евгений. В те же роковые семнадцать лет он, как и отец, вышел на арену политической борьбы. В 1928 году он учился в девятом классе бывшей гимназии Потоцкой, что находилась у сада “Эрмитаж”.

Возмущенный Женя организовал в школе забастовку протеста с помощью друзей, среди которых был сын Якова Свердлова Андрей. Женю из школы исключили. Он переживал, что подводит отца. Мучился. И в конце концов обратился к известному публицисту Михаилу Кольцову. Кольцов помог. В “Правде” появился фельетон, после которого учительниц уволили. Но такого результата Женя не ждал! Он растерялся, его терзала совесть. Из отцовского браунинга Женя выстрелил себе в голову, пуля лишь пробила ухо, и юноша остался жить.

В 1935 году Женя окончил бронетанковую академию и поступил на ЗИЛ, где затем прослужил 60 лет – до своей смерти. В 1938-м на комсомольском собрании, когда Женю как шпионского сына исключали из комсомола, вдруг появился Андрей Свердлов, уже офицер НКВД, и заявил, что еще в школе (!) раскусил антисоветскую сущность Левенсона.

Но Жене уже было плевать на комсомол. Однако – вот они, левенсоновские устои! – своему ЗИЛу он служил добросовестно и продуктивно, поскольку одаренность и энергия были качеством всей этой семьи. Евгений Михайлович поднялся до заместителя главного конструктора ЗИЛа, возглавлял изготовление всего инструмента и штампов на этом гиганте, написал 15 технических книг, переиздаваемых и переводимых на иностранные языки.

После ареста отца и матери Евгений ощутил на себе, что значат традиции левенсоновской семьи, заложенные еще стариком Соломоновичем, помогавшим своим детям. Все старшие Левенсоны поддержали Евгения, его молодую жену и сына Андрея.

В первую зиму Великой Отечественной войны автозаводцев перевели на казарменное положение. Евгений Михайлович спал на своем инженерском столе по пять часов в сутки и почитал за особый деликатес оладьи из картофельной шелухи. Борьбу с голодом своей продовольственной карточкой помогал ему Давид Ивенский.

Пост замначальника ВСНХ (тогдашнего Госплана), где он, Ивенский, создавал планы первых пятилеток, Давид Богданович к тому времени уже потерял по причине невступления в партию. Это убило его карьеру, но и спасло от расстрела как крупного партийца. Зато он, единственный из всей семьи, пострадал в качестве еврея. В 1948 году, в разгар борьбы с космополитизмом, Ивенский сидел безработный, на чемоданах, в ожидании отправки в Биробиджан.

Уезжающее поколение

Зрелые годы сына Евгения Михайловича, Андрея Левенсона, прошли в послевоенное, уже совсем другое время. Люди потянулись к простым радостям жизни. Вместе с подступающими сумерками советской империи стихли репрессии, началась еврейская, да и иная эмиграция, а Левенсоны шутили на семейных праздниках:

*Дядя Ваня из Рязани
Очутился в Мичигане.
Во т какой рассеянный
Муж Сары Моисеевны.*

Неловко, наверное, приходилось на этих застольях и без того застенчивому, мнительному Андрею, работавшему инженером в КБ, затем преподавателем в техникуме. Ведь рядом сидели люди, которые достигли куда большего.

Однако до конца жизни Андрей успел сделать дело не менее важное, чем те, что совершали его родственники – адвокаты, профессора и доктора наук. Он написал книгу “Память”, в которой рассказал об истории семьи. К тому времени, когда он завершал свой труд, почти все Левенсоны эмигрировали в Израиль, США и Францию. Живущим в разных городах и странах Левенсонам стало все труднее поддерживать связи, потерялись общие интересы, старинная необходимость взаимовыручки.

Культурный обмен

Вдова Андрея Левинсона Ирина Шкамарда, еще работающая учителем английского и в свои шестьдесят выглядящая просто молодцом, осталась в России практически одна из всей огромной семьи. Она ухаживает за могилами Левинсонов. Через нее поддерживаются связи между эмигрантами, которые неплохо прижились, в основном в научном мире Запада.

Казалось, вот-вот – и Ирине все это скоро будет не под силу, и тогда случится неизбежное: семья растеряется. Но тут в дело вмешались актер Дастин Хофман, индонезийские саронги, кризис в государстве Израиль, и сейчас можно с уверенностью говорить, что скоро в Россию вернутся пока первые из разъехавшейся семьи. Приключения, приведшие к этому, выглядели так.

В 1990 году улетела в США по линии культурного обмена будущий учитель английского, дочь Ирины Маша Шкамарда. Однако фирма, пославшая ее в далекую страну, развалилась. Маше пришлось работать продавщицей в магазине, а со временем для нее открылись более привлекательные перспективы.

Ее подруга Дарья жила на острове пальм и богачей, на Гавайях, где встретила с американским теннисистом, тренером Дастина Хофмана. Молодые люди увлеклись друг другом, но застенчивый тренер так и не решился сделать предложение. Как соединить влюбленных, придумал сам Дастин Хофман. Во время игры в теннис его робкий теннисный наставник передал Дарье коробку для мячиков. В ней лежало обручальное колечко. Сидящий на трибуне Дастин смеялся и фотографировал. А Дарья вышла замуж.

На одном из светских раутов молодожены встретили богача, который подыскивал экономку для своей виллы. Дарья порекомендовала Машу Шкамарда, и та получила работу. На Гавайях Маша тоже нашла свое счастье с израильским бизнесменом Эялом Бриксом. Вместе они открыли успешный бизнес – стали импортировать из Индонезии платья-саронги. Перебрались в Израиль, где у них родилась дочь Майя. Начать новое дело в Израиле из-за кризиса у супругов не получилось. Увы, после почти пяти совместно прожитых лет начались осложнения и в семейной жизни. Поэтому скоро она с дочерью возвращается в Россию, чтобы жить с мамой.

Дом возле сказочного “замка”

Четырехлетняя Майя, дочь Маши, еще не решает, где ей жить. Но в Москве ей не нравится. Она говорит, что “тут холодно и грязно”. Зато одно из воспоминаний от приездов в Москву врезалось в ее память настолько, что часто, просыпаясь по утрам в Тель-Авиве, она спрашивала маму, когда же они пойдут в “замок”. “Замком” девочка называет красивейшее место Москвы, недалеко от бабушкиного дома, – Крутицы. Это высокий берег

Москвы-реки, на котором стоят рядом три памятника русской истории – Новоспасский и Симонов монастыри и Крутицкое архиерейское подворье. Когда бабушка приводила сюда Майю, она рассказывала ей, что в Новоспасском монастыре похоронены останки родственников царей Рюриковичей и Романовых, а в 1995 году сюда перенесли останки великого князя Сергея Александровича. (Его, между прочим, в 1905 году взорвали эсеровские боевики, партийные соратники прадедушки Майи – Михаила Левенсона.)

Постепенно у бабушки появилось хобби. Она начала собирать для внучки книги, рисунки, газетные вырезки про ансамбль над рекой Москвой. Поэтому Майя с бабушкой уже решили, что в первый же день, когда ее дочь с внучкой вернутся на родину, они пойдут в Крутицы.

Автор: Александр Рылов © Россия ИСТОРИЯ, ИРКУТСК 👁 4177 21.05.2004, 15:39 🔄 261

URL: <https://babr24.com/?ADE=13026> Bytes: 12734 / 12662 Версия для печати

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [Джем](#)
- [ВКонтакте](#)
- [Одноклассники](#)

Связаться с редакцией Бабра в Иркутской области:

irkbabr24@gmail.com

Автор текста: **Александр Рылов.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot

эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)